Сватоплук Чех

Воспоминания о путешествиях и жизни[1]

(окончание)

Díl VII. Vzpomínky z cest a života. II
Praha: F. Topič, 1901.
*© Перевод с чешского Владимира Пук*иша

Друзья-осетины

Я прогуливался среди низких домиков Владикавказа – северных ворот Кавказских гор. Внезапно мой взгляд остановился на забавной группе людей, стоявших возле белой двуколки, известной по всему Кавказу под названием *арба*.

В самой середине стоял мужчина среднего сложения, с чертами лица грубоватыми и лишёнными всякой правильности, однако выражение его было на удивление приветливо и даже мягко. Взору, привыкшему к надменной красоте и живописной, можно сказать – роскошной одежде кавказских горцев, он представлялся неким бледным и неудачным подобием своих соплеменников: держался он с ленивой небрежностью, а наряд его был ещё более запущен. Длинная серая *чоха* висела на нём, точно с чужого плеча снятая; газыри, пришитые на груди, пустовали и казались жалкими. Штаны его были изодраны, а ноги оставались босыми. Низкая косматая папаха, съехавшая набок, выглядела изрядно поношенной. Коротко остриженные усы напоминали щётки от старой конской чесалки.

Неподалёку, прямо на земле, лежали двое юношей – стройные, гибкие, словно ящерицы. Одежда их состояла из узких штанов, доходивших лишь до икр и оканчивавшихся лоскутами различной длины, да грязных рубах с распахнутой грудью. Всё, что не скрывал сей убогий наряд, сверкало смуглой, цыганской яркостью. Меж тем лица их поражали редкой красотой: глаза искрились живым огнём, а зубы белели, точно резная слоновая кость.

На оглобле *арбы* сидел рослый подросток с прямым, честным взглядом голубых глаз и пышущим здоровьем веснушчатым лицом. Наряд его отличался от одежды мужчины лишь одной подробностью, тотчас привлёкшей моё внимание: это была низкая фетровая шляпа диковинной формы – с опущенной, как бы привядшей тульей и верхом, разделённым тонкими тесьмами на четыре части. Что-то в ней напоминало матерчатые шапки, которые некогда были у нас в моде. На верхушке шляпы красовалась пуговица, от которой на лоб спадал пучок чёрных нитей. Этот головной убор поразил меня тем более, что до той поры я нигде на Кавказе не встречал шляпы как части народного костюма.

Необычную картину дополняла старуха, опиравшаяся острым локтем на большое бревно, служившее ярмом для впряжённых в *арбу* волов. Одежду её составляли широкие, внизу стянутые штаны и длинный балахон с рукавами; обе эти части, впрочем, представлялись кучей грязных лохмотьев, первоначальный цвет которых уже трудно было определить. На голове у неё был серый платок, хорошо гармонировавший с морщинистым, выветренным лицом.

Чтобы завершить описание, прибавлю, что арба была нагружена большими и малыми ёмкостями – наподобие бочонков, лукошек и корзин, частью деревянных, частью сплетённых из молодой зелёной коры и скреплённых деревянными колышками и лыковыми обручами. В них алела мелкая горная земляника.

Несмотря на убогий внешний вид, вся эта группа производила какое-то особенное впечатление: в ней чувствовалось живое дыхание дикой, неукротимой природы, столь мощное, что я не мог устоять перед желанием познакомиться с ними поближе.

Я подошёл к мужчине и осведомился, почём у него земляника.

– Абас, – отвечал он с безразличием, указывая на одно из лукошек.

Абас – грузинская серебряная монета, равная двадцати копейкам или нашим тридцати крейцерам.

Я возразил, что это слишком дорого.

– Не купишь? Что, жалко? На! – спокойно сказал он и, зачерпнув рукою ягоды, протянул мне полную горсть.

Покусывая подарок, я стал расспрашивать его, к какому народу он принадлежит.

– Мы – *асетины*, – отвечал он с некоторым вызовом, внимательно оглядывая меня с головы до ног.

Этот ответ был мне особенно приятен. Я уже давно с живейшим интересом желал ближе познакомиться с осетинским народом (по-русски говорят «*асетинцы*»), о котором где-то читал, что своими чертами, обычаями и языком они состоят в родстве

---

[1] *Двухтомное произведение Сватоплука Чеха, опубликованное в 1908 и 1910 годах. В нем переплетаются элементы мемуаров и путевых заметок. Автор делится воспоминаниями о своих путешествиях по Галиции, России, Крыму, Кавказу и Турции, предпринятых в 1874 году. Особое внимание уделяется описанию встреч с представителями различных культур и национальностей, включая евреев, что отражено в отдельной главе Různí židé («Разные евреи»). Произведение сочетает личные воспоминания с этнографическими наблюдениями и размышлениями об этнической идентичности и социальном положении различных народов.*
В тексте нашего перевода оставлено авторское написание осетинских слов средствами чешской орфографии, а в сносках приводится их написание на литературном осетинском языке с переводом на русский. Курсивом выделены слова, записанные автором в оригинальном тексте по-русски латиницей.

с германскими народами. Мне хотелось удостовериться, насколько подобное мнение справедливо. В этом отношении, признаюсь, шляпа на голове подростка возбуждала во мне двойное любопытство.

Впрочем, я и без того с нетерпением ожидал случая поближе сойтись с осетинами. В Тифлисе их описывали мне как народ весьма дикий и грубый, для которого жизнь и имущество ближнего – ничто. «Если войдёшь в хижину осетина, – говорили мне, – хозяин встретит тебя с величайшим почётом, отдаст всё, что имеет; пока ты под его кровом, никто не коснётся и волоса на твоей голове. Но едва ты переступишь порог его жилища, он уже не несёт за тебя никакой ответственности, и жизнь твоя, окажись ты один в чистом поле, не стоит и ломаного гроша».

Согласитесь: для нас, искушённых европейцев, знакомство с такими сынами природы, живущими по законам и нравственным понятиям, ещё не искажённым цивилизацией, исполнено особого очарования.

Я подошёл к осетину, который в это время неторопливо обходил свою арбу, и осведомился, не уделит ли он мне ещё немного внимания.

– Скажи мне, как по-осетински называется вот это? – спросил я, указывая на землянику.

– Это? – переспросил он, говоря по-русски лучше меня и глядя на меня с удивлением, смешанным с лёгким недоверием. – Это мы называем *naryškov*[2].

– А вот это? – продолжал я, указывая на шапку на голове подростка, который с любопытством приблизился к нам.

– *Namathut*[3], – ответил мужчина, не сводя с меня взгляда. При этом он улыбнулся. Подросток в шапке тоже улыбнулся. Маленькие шалуны выскочили из-за арбы, стали рядом и, разглядывая меня с живым интересом, сверкали своими ослепительно белыми зубами. Одна лишь старуха осталась в прежней позе и лишь щурилась на меня своими неприветливыми глазами.

Можете себе представить, какое изумление вызвало у меня это слово – *namathut.* Шапка – *namathut* – *Hut*[4]… какое поразительное сходство! В тот миг мне всерьёз показалось, что передо мною потомки каких-то заблудших немецких крестоносцев, занесённых судьбою в Кавказские горы много столетий назад. Моё любопытство вспыхнуло с новой силой.

Я вынул из кармана дневник и стал записывать самые простые слова, какие только удавалось выяснить – насколько позволяли мои познания в русском и словарный запас моих осетинских собеседников. Их, по-видимому, чрезвычайно занимал наш разговор. Мужчина и подросток старались наперебой отвечать, перебивая друг друга, споря и советуясь. Оба мальчика, чьи знания русского ограничивались словами *здравствуй* и *хорошо*, весело смеясь, радостно повторяли за старшими каждое новое слово по нескольку раз. Когда я писал, мужчина каждый раз склонялся над моим дневником и с живейшим вниманием следил за движением карандаша.

Надеюсь, вы не осудите меня, если я решу поделиться здесь своим скромным запасом осетинских слов. Разумеется, я не могу ручаться за их абсолютную точность – учитывая все трудности нашего общения на русском, да ещё и особенности самого осетинского языка, столь охотно оперирующего нагромождениями согласных, зачастую почти непроизносимых для нас, вполне возможно, что в какие-то слова вкралась ошибка. Тем не менее, даже по этим отрывочным данным вы сможете хотя бы отчасти почувствовать характер этой загадочной речи. Когда вы увидите некоторые из этих слов, не качайте головой и не восклицайте, что так говорить просто невозможно – уверяю вас, осетин произносит их с лёгкостью, словно играючи.

Хлеб – *zul*, вода – *don* (сравните с названием реки!), небо – *arv,* земля – *žach*, гора – *obau*, лес – *kad*, дерево – *šu*, камень – *dur,* огонь – *žink*, голова – *šar*, волос – *šarokon*, нос – *fnc*, глаз – *cašt,* лоб – *nh*, рот – *cch,* девушка – *čižga*, свет – *dmge*, тьма – *mirch*, снег – *mit*, дождь – *uarn*, рыба – *kašak,* бык – *gal,* баран – *fš*, петух – *šišt*, курица – *kak* (сколь выразительное звукоподражание!), утка – *babiš*, собака – *kuc,* конь – *bach*, стул – *bandu,* зеркало – *ajdem,* свечка – *crah*, миска – *avžinthabar,* нож – *kart*, хороший – *chorš*, плохой – *avžer*, сильный – *fidar*, слабый – *lamar*, большой – *štr*, малый – *čsl*[5].

«Что-то не очень похоже на индогерманский[6] язык», – скажете вы? Согласен. Но послушайте и другие слова: *fet* – отец, *mat* – мать, *jerunt* – старуха, *dendak* – зуб, *dy* – ты, *ma* – меня, *na* – нет, *due* – два, *rte* – три, *aššaš* или *šaš* – шесть, *ašt* – восемь, *deš* – десять, *aldar* – дворянин[7].

Но и эти лексические совпадения ещё не доказывают смелой гипотезы о германском происхождении осетин. Современная филология уверенно относит осетинский язык к иранской группе.

---

[2] *Ærыскъæф – земляника, клубника.*

[3] *Нымæтхуд – войлочная шапка.*

[4] *Hut (нем.) – шляпа.*

[5] *Дзул – пшеничный хлеб; дон – вода; арв – небо; зæхх – земля, планета; обау – курган, холм; хъæд – лес; суг – дрова; дур – камень; зынг – огонь; сæр – голова; сæрыхъуын – волосы на голове; фындз – нос; цæст – глаз; ных – лоб; дзых – рот; чызг – девушка; дымгæ – ветер (не свет!); тьма — миг; мит – снег; уарын – дождь; кæсаг – рыба; гал – бык; фыс – баран; петух — уасаг (сыст – вошь!); карк – курица; бабыз – утка; куыдз – собака; бæх – конь; бандон – стул; айдæн – зеркало; цырагъ – свеча; авджын тæбæгъ – фарфоровая (стеклянная) тарелка; кард – нож; хорз – хороший; æвзæр – плохой; фидар – крепкий; лæмæгъ – слабый; стыр – большой; чысыл – малый.*

[6] *Использовавшийся в то время преимущественно в немецкоязычной литературе, ныне устаревший термин – синоним слова «индоевропейский».*

[7] *Фыд – отец; мад – мать; зæронд (ус) – старуха; дæндаг – зуб; ды – ты; мæ – меня; нæ – нет; дыууæ – два; æртæ – три; æхсæз – шесть; аст – восемь; дæс – десять; æлдар – господин.*

Бог у осетин называется *tsau*[8], сами себя они именуют *Ir* или *Iron*[9], а русских – *Uršak*[10].

Но довольно уже этой дилетантской лингвистики – вижу, вы уже начинаете зевать. Да и моим осетинским учителям, по-видимому, тоже поднадоела их неожиданная роль наставников. Мужчина принялся разглядывать свою *арбу* с куда большей внимательностью, чем того требовала необходимость; подросток начал вертеть на голове свой *namathut*, словно примеряясь, как он смотрится сбоку; а мальчишки уже давно утратили ко мне интерес и с оживлением наблюдали за владикавказской молодёжью обоего пола, что вдруг пёстрою толпой столпилась вокруг нас.

И всё же я не собирался так скоро расставаться со своими новыми знакомцами.

– Послушай, – обратился я к осетину, – пойдём со мной в гостиницу, и ты порасскажешь мне там ещё осетинских слов. За каждое получишь копейку.

Он посмотрел на меня с немалым удивлением. Молча устремил на меня свой пытливый, недоверчивый взгляд.

– Ну что, идёшь? Корзинку с ягодами захвати, – добавил я после короткой паузы.

Очевидно, он колебался. Временами опускал взгляд в землю, то и дело окидывал меня недоверчивым взглядом с ног до головы. Наконец поднялся, вытащил из *арбы* корзинку с земляникой и, отдав какое-то короткое распоряжение старухе, медленно пошёл со мной по дороге в гостиницу.

Весельчак немец Бассерин, у которого я снимал довольно приличную комнату, встретил нас с явным изумлением, но быстро успокоился, когда я объяснил ему суть дела. Гораздо труднее пришлось с его кабатчиком-грузином: тот покачивал головой, переводил прищуренный взгляд с меня на осетина и обратно, а морщинки смеха на его загорелом лице на мгновение уступили место живому любопытству. Несколько раз мне пришлось повторить просьбу, прежде чем он наконец соизволил принести нам два стакана пива.

Когда я предложил один из стаканов осетину, тот покачал головой:

– Я не пью, – тихо сказал он.

– Давай, пей! – сказал я ему. – Один стакан тебе не повредит.

– Я магометанин, – прошептал он с важным выражением на лице.

Ах, я и забыл, что огненный меч ислама подчинил себе часть осетинского народа. Впрочем, большинство причисляет себя к христианской вере. Их ещё в XII веке обратил в христианство грузинский царь Вахтанг Гургаслан[11], чьими данниками тогда были осетины. Незначительная же часть осетин сохраняет языческие верования – а по некоторым оценкам половина народа остаётся язычниками.

Я не хотел более испытывать совесть осетина, но хитрый Бассерин взял на себя роль искусителя. Он показывал осетину на стакан с красноватой сладковатой жидкостью, которую на Кавказе льстиво называют пивом, и говорил:

– Смотри! Это не вино и не пиво, мы варим это специально для магометан.

На самом деле во Владикавказе продавали какой-то отвратительный сорт пива, который под громким названием «осетинское пиво» с позволения снисходительных учителей Корана проник даже в здоровые магометанские желудки.

– Ведь не пиво, правда? – обратился Бассерин ко мне.

– Нет, нет, – уверенно отвечал я.

Осетин молча протянул руку и одним глотком выпил стакан.

Как только я завел осетина в свою комнату, его взгляд тут же упал на шестиствольный револьвер, лежавший на столе. Глаза его засверкали, рука жадно потянулась к смертоносному оружию – он вел себя словно ребёнок, увидевший любимую игрушку.

– Как вы это называете? – улыбаясь, спросил я, полагая, что этот амулет западных путешественников всё ещё остаётся тайной за семью печатями для осетина.

— *Šašgarachu dambaca*[12], – ответил гость, победно глядя на меня, будто угадав мои мысли. – *Dambaca* – это пистолет, а *šašgarachu* значит, что из него можно стрелять шесть раз.

– А вы сами изготавливаете такие пистолеты? – удивлённо поинтересовался я.

Осетин промолчал, смущённо вертел в руках это орудие убийства, каждую секунду прицеливаясь из его хитрого ствола в разные стороны.

Чтобы прервать эту захватывающую игру, я достал из кармана дневник и снова стал задавать вопросы об осетинских словах. Мой гость добросовестно отвечал. Когда что-то было непонятно или не удавалось ответить, он морщил лоб, издавал особые щёлкающие звуки и жестами, взглядом выражал сожаление. Если я спрашивал слово повторно, он всегда указывал пальцем на дневник и серьёзно говорил: «Ты уже это записал».

Вдруг он стал каким-то рассеянным; взгляд его всё чаще и с нарастающей тоской останавливался на двери. Внезапно он встал, прерывая мой вопрос словами:

– Уже хватит. Я должен идти к *арбе*. Если хочешь, приду снова послезавтра.

– Приходи, с удовольствием буду тебя ждать. Но прежде, чем уйдёшь, скажи мне, откуда ты и как тебя зовут?

---

[8] *Хуыцау – Бог.*

[9] *Ирон – осетин, иронец; дыгурон – дигорец.*

[10] *Уырыссаг – русский.*

[11] *Вахтанг Горгасали (440 – 502) – царь Иберийского царства, последний царь эпохи грузинской античности. Знаменит тем, что основал Тбилиси, перестроил храм Светицховели, построил Болнисский Сион.*

[12] *Æхсæзæхсæн дамбаца – досл. «шестистрельный пистолет».*

– Зовут меня Зарахмед Тхошт, – с серьёзным видом ответил осетин. – Наш аул лежит в той стороне, где встаёт солнце, называется Мешланау[13]. А тебя как зовут? Ты откуда приехал?

Когда я рассказал ему, из какого далека прибыл – «чтобы о вас, осетинах, разузнать», как я дипломатично выразился, – он резко завертел головой и посмотрел на меня с каким-то священным уважением.

Сделав приблизительный подсчет слов, я протянул обещанное вознаграждение. Он помедлил, затем принял деньги с благодарным взглядом.

На прощанье он протянул мне свою широкую правую ладонь, которую я по-дружески пожал и проводил гостя к воротам гостиницы.

Через день, вскоре пополудни, я услышал в коридоре перед своей комнатой шарканье туфель и приглушённый смех. Дверь приоткрылась, и в проём просунулась дерзкая ухмыляющаяся физиономия кабатчика-грузина.

– Они опять пришли, – едва выдавил он, смеясь.

Я сразу понял, что это мои приятели из Мешланау.

– Ну, так приведи их сюда, – резко приказал я грузину.

Вскоре в дверях появился Зарахмед Тхошт с большим *сундуком* (емкостью) с земляникой в руках, а за ним, в коридоре, вырисовывалась какая-то неуклюжая, крепкая фигура, сразу же навеявшая в моём воображении фантастические образы древних гуннов.

– С кем это ты пришёл? – спросил я Зарахмеда.

– Это мой брат, – ответил он.

– А что он хочет?

Осетин окинул меня почти обвиняющим взглядом.

– *Надо* [вас] *познакомить*, – тихо сказал.

Он отступил в сторону, а стоявший за ним с выражением полууважения и полудоверия приблизился ко мне, протягивая могучую широкую ладонь. Передо мной предстала странная фигура с лицом, какого я прежде не встречал. Я бы сравнил его с гигантом, которого сверху словно сжали до размеров обычного человека. Лицо его, грудь, плечи, бёдра – всё было необычайно широким, и во всём этом чувствовалась дикая, первозданная сила. Лицо испещряли глубокие морщины, а грубые, мощные черты создавали почти гротескный образ. Нижняя часть лица была покрыта щетиной, упрямо торчащей во все стороны из многочисленных складок и бороздок, словно долотом вытесанных вокруг широких губ, застывших в странной гримасе. Для скульптора такое лицо могло бы послужить материалом для нового изваяния щелкунчика для орехов. Но, несмотря на всю суровость черт, выражение его лица было добродушным, а маленькие живые глаза под густыми бровями смотрели на меня довольно приветливо.

Когда я поприветствовал вошедших, Зарахмед поставил сундук с земляникой на стол.

– Я сегодня не буду покупать землянику, – возразил я. – Смотри, у меня еще с позавчерашнего дня осталась полная корзина.

– Мы не хотим денег, – быстро ответили оба брата, – прими это в подарок.

Я пригласил их сесть. Брат Зарахмеда положил руки на колени и смотрел на меня с выражением дружеского внимания. Лицо его приняло торжественный вид.

– Брат рассказал мне всё, – сказал он через минуту с важным выражением лица, и мне показалось, что в голосе его зазвучали почти нежные, тёплые нотки.

Очевидно, Зарахмед высоко ценил способности своего брата.

– Ну, давай! – сказал он решительно. – Брат знает гораздо больше меня.

А когда силач отвечал на мои вопросы, Зарахмед поочерёдно смотрел то с восторгом на него, то с немым вопросом – как бы спрашивая, удивляюсь ли я знаниям брата, – переводя взгляд на меня.

Я ещё раз повторил весь список слов, записанных ранее со слов Зарахмеда, чтобы удостовериться, что они переведены верно и зафиксированы точно. Ради интереса замечу, что для обозначения двух различных цветов – синего и зелёного – осетины употребляют одно и то же слово. Оба цвета по-осетински называются *cach*[14]. Когда это сообщил мне Зарахмед, я не поверил; теперь же то же самое подтвердил и его брат.

В конце я показал ему револьвер. Мне хотелось выяснить, откуда осетинам известно это оружие и приходилось ли им пользоваться.

– Как вы называете вот это? – спросил я его.

Осетин едва взглянул на предмет, который так заинтересовал его брата.

– Никак не называем, – медленно промолвил он. – Я не знаю, что это.

– Как же так? – спросил я. – Ведь твой брат сказал мне, что у вас есть такое оружие и даже назвал его по-осетински.

Осетин бросил укоризненный взгляд на брата.

– Нет, нет у нас такого, – твёрдо сказал он, – у нас есть только *tchop*[15], ружьё, и *kama*[16], кинжал.

Тогда я понял: брат Зарахмеда – недюжинный дипломат, который предпочитает скрыть тайное – *шашгараху дамбаца,* которое, по-видимому, попадало в руки осетин не вполне законным путём.

Наконец братья объявили, что я уже знаю достаточное количество осетинских слов и что им пора взглянуть на свою *арбу*.

На прощанье я угостил их уже должным обра-

[13] *Беслан (-кау) – Беслæн (хъæу) – город Беслан.*
[14] *Цъæх – зеленый, синий.*
[15] *Топп – ружье.*
[16] *Хъама – кинжал.*

зом ранее оценённым пивом. При этом спросил у своего нового знакомого, как его зовут.

– Безеко Тхостéв, – отвечал тот, делая ударение на последнем слоге фамилии.

– Но ведь брат твой сказал мне, что его фамилия Тхошт!

– Нет, не так, – возразил Безеко, опять бросив укоризненный взгляд на брата. – Наша фамилия – Тхостев, или Тхостов.

А вы говорите, что у славян нет будущего! Тут весь Кавказ облачает свои многообразные имена в русский мундир: из Эристава получился Эристов, из Орбелиани – Арбельянов, из Татишвили – Татиев, из какого-то армянского имени – Гусиков, а из осетинского Тхошта – «полурусский» Тхостев. Осталось лишь отложить в сторону косматую бурку и удивительный *наматгут,* и будет у нас ещё один брат-славянин в огромной Российской империи.

В конце я ещё узнал, что отца моих приятелей зовут Гаду Тхостев, а их младшего брата, того веснушчатого парня, – Камболат Тхостев.

Когда уже уходили, Безеко спросил меня:

– Как долго останешься в Капкае[17]?

– Уезжаю послезавтра вечером.

– Жаль, – сказали оба, – очень жаль!

Через минуту Безеко продолжил:

– Наверное, есть там у тебя, далеко, где заходит солнце, в родном *ауле* отец и мать, братья и сестры, которые ждут тебя?

Когда я ответил утвердительно, он добавил:

– Ну, расскажи им о нас. И как-нибудь вернись к нам, лучше скоро.

И попрощались со мной, радушно пожав мне руку.

На другой день я смотрел из окна своей гостиницы, как сильный ливень превращает улицу в бездонное болото. Мне было жалко стройных фигур в грязных *бурках* и низких *наматгутах*, бродивших босыми ногами по грязной жиже. Вдруг среди них я увидел знакомое веснушчатое лицо.

Да, это был Камболат Тхошт. В обеих руках он нёс по большому *сундуку* с земляникой и направлялся прямо к гостинице. Пришёл ко мне с приветом от своих братьев и рассказал, что они посылают мне эти ягоды в дорогу.

[17] *Капкай (от тюрк. qарı qауа – «горные ворота») – тюркское название Владикавказа.*